

УДК 008+821.161.1

ББК 83.3(2Рос=Рус)53+87+ 71.0

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019 г. А. Л. Юрганов
г. Москва, Россия

**О ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАНИЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ В РАННЕМ МОДЕРНИЗМЕ
(ИЗ ПЕРЕПИСКИ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА
С МИХАЙЛОМ САМЫГИНЫМ)**

Аннотация: В 1896 г. началась переписка двух важнейших фигур в русском модернизме, поэта Валерия Брюсова и Михаила Владимировича Самыгина (писателя Марка Криницкого). Оба они были склонны к философии, и оба были заинтересованы обсуждать философские аспекты художественного творчества. Эта переписка конца XIX в. — самое раннее обсуждение философских проблем модернистской художественной литературы. В нем выразилось главное направление поисков — обоснование творчества не как постижение нового знания, а как глубинное исследование внутреннего мира личности, творящей мир в себе и вокруг себя. Валерий Брюсов надолго остался микрокосмистом, Михаил Самыгин, будучи пантеистом, после этого спора увлекся пересмотром своих и чужих стереотипов, касавшихся теории литературы. Каждый шел своей дорогой, но вместе они постулировали в сущности одно и то же — феноменологическое значение личности как конституирующей основы бытия.

Ключевые слова: Валерий Брюсов, Марк Криницкий, модернизм, монадология Лейбница, феноменология, Серебряный век.

Информация об авторе: Андрей Львович Юрганов — доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, пл. Миусская, д. 6, 125993 г. Москва, Россия. E-mail: Iurganov@yandex.ru

Дата поступления статьи: 06.09.2018

Дата публикации: 28.06.2019

Для цитирования: Юрганов А. Л. О философских основаниях художественной литературы в раннем модернизме (из переписки Валерия Брюсова с Михаилом Самыгиным) // Вестник славянских культур. 2019. Т. 52. С. 8–19.

При издании писем Валерия Брюсова в Т. 98 «Литературного наследства» не были полностью опубликованы письма его корреспондентов: во всяком случае самую насыщенную философскими вопросами переписку поэта нельзя понять без ответных писем Михаила Владимировича Самыгина (1874–1952), писателя Марка Криницкого.

Письма Самыгина к Брюсову (в основном неопубликованные) дают возможность увидеть глубокий след их взаимного притяжения и отталкивания.

Самыгин писал (20 ноября 1896 г.): «Мне с вами всегда бывало легко и приятно; вы обладаете способностью угадывать настроение и помогать его выразить». В дружеских спорах с Брюсовым Самыгин проявил себя как неординарно мыслящий человек.

В ранние годы его интересовала прежде всего философия, и Брюсов записал в дневнике (14 июля 1895 г.): «Вчера приехал от Самыгина, где провел два дня. Философия, философия, философия...» [2, с. 362].

С 1895 г. Самыгин стал автором сборника рассказов «В тумане», и Брюсов воспринял его как подающего надежды писателя. Регулярная переписка между ними началась в 1896 г., когда Самыгин уехал в Тулу [2, с. 362]. В 1897 г. Валерий Брюсов охладил ко многим своим университетским друзьям («Они не развеселили меня. Я им чужд»), но к Самыгину относился по-прежнему: «Два дня у Самыгина... Субстанция, идея, добро, истина... Снова и чувства и волнения. Да, после тех книг, которые я прочел за последнее время, мне нужно было такого живого обмена мыслей и чувств. В меня вдохнули новую силу, огонь ярко пылает на алтаре. “Вперед и вперед!”» [2, с. 362].

Однако при таком взаимном психологическом тяготении друг к другу, Брюсов понимал и различия в мотивах творчества и самой философии. Он писал: «Я видел всех моих друзей, подруг, знакомых... Они все не нужны мне, и Курсинский, и Лена, и Фриче, и даже Викторов. Довольно!.. Пусть останутся у меня “эти три” — Женя (Евгения Ильинична Павловская. — А. Ю.), Бальмонт и Самыгин. Первые два далеко, Самыгин провел у меня день <...> он читал мне тезисы своей философии, я говорил ему о своих думах и о Жене. *Центр наших душ различен, но круги пересекаются* (курсив мой. — А. Ю.)...» [2, с. 364].

Во многом Самыгин был обязан Брюсову своей теоретической устремленностью к выявлению первооснов художественности как философской проблемы.

Из письма Самыгина от 6 декабря 1898 г.

Дорогой друг!

Я изучил Вашу книгу. Вот ее смысл: искусство есть умение передать образ своего (духовного) мира другому человеку. Интерес, который возбуждают произведения искусства, объясняется тем, что в них каждый находит нечто для себя совершенно новое. И вот в этом «совершенно» и покоится весь смысл искусства. Вы определяете искусство так: — есть средство (ства) [для чего?] передать настроение [какое?] моего единого духа. Будет ли это определение искусства как чистой формы (здесь и далее подчеркнуто автором. — А. Ю.), разумея под этим последним словом чистое средство? В виду того, что под Ваше определение не подойдут подражательные произведения, в которых передаются заимствованные настроения, Вы определяете искусство не только по форме, но и, конечно, по содержанию, на сообщение новых настроений. На этой почве с Вами только и можно сражаться. И вот как! Можно напасть на слово «новый», которое во всей Вашей эстетической системе самое непонятное и произвольное.

(Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — НИОР РГБ). Ф. 386. Картон 102. 7. Л. 28–29.)

В этом письме Самыгин едва ли не впервые высказал очень важную для себя мысль, к которой потом будет возвращаться постоянно, — художественная литература не сообщает ничего принципиально нового! Эта позиция станет для писателя ключевой на долгие годы. Это — исходный момент философского анализа самой проблемы художественности литературы...

Но вернемся к письму:

Нападаю.

1. Что значит «новое» построение»? Значит ли это: новое абсолютно или новое в том смысле, что оно раньше спало, а теперь пробуждается?

2. Откуда Вы знаете, что души наши суть миры, в основе своей различные? Если Вы станете оспаривать, что в основе они одинаковы, родственны, а не абсолютно чуждые, то этим Вы будете постулировать общую природу наших душ. Берегитесь, этот путь ведет к пантеизму. Если же Вы признаете, что души наши в основе абсолютно различны, то Вам не удастся обнаружить возможность их общения в искусстве: язык существует только для подобных существ, а не для абсолютно различных!

Итак: или пантеизм и тогда возможность допустить общую (универсальную) природу душ, или абсолютный индивидуализм и *никакой возможности дать теорию искусства* (курсив мой. — А. Ю.). По-моему, в Вашей книге Вы слишком утрировали индивидуальный элемент и во имя этого отказались от субстанции поэзии, которую Вы исповедовали, когда я еще жил в Москве.

Повторяю еще раз: Вы на страшном пути в своем отрицании внутренней тождественности наших существований. *Вы сказали себе, что Вы — бог, но забыли, что еще Спиноза доказал, что не может быть двух субстанций* (курсив мой. — А. Ю.). Пантеизм как философская схема — неизбежен. Можно дать ему кровь и плоть, т. е. преобразить его в религиозное чувство, в теизм, но итти с Вами и за Вами... ужасно и (для меня) грешно. Вот что я скажу Вам о Вашей книге, а Вы задумайтесь.

Постигающий в Вас себе подобного
Михаил Самыгин.

(НИОР РГБ. Ф. 386. Картон 102. 7. Л. 28–30.)

Как видно, у Самыгина не вызывает сомнения тезис Брюсова, согласно которому искусство «есть умение передать образ своего (духовного) мира другому человеку». У него вызывает возражение противоречивость самой постановки вопроса об искусстве как о способе передачи нового образа (или нового «построения») другому лицу при одновременном утверждении, что души людей различны, поскольку каждая душа (монада) стремится в своей области стать богом. Самыгин — пантеист, и для него Природа («универсальная душа») есть объединяющее начало, в котором все души, сотворенные и соприродные, не чужды друг другу, но созвучны, — и тогда только возможна теория искусства: именно как обоснование созвучия настроений. Самыгин обвинял Брюсова в том, что тот умалил поэзию как субстанцию, обосновывая свою индивидуальность как абсолютно независимую монаду.

Ответ поэта не сохранился.

Мы можем говорить лишь об исходных мотивах, которые были существенны для Брюсова.

Основываясь на идеях Лейбница, он утверждал, что монады — завершенные смысловые сферы [1, с. 50–63]. Но Брюсов ничего не говорил о другой мысли Лейбница, и главной — между собой монады взаимодействуют только через посредство Бога. Беря из учения о монадах все, что касается независимости тварных субстанций духа, Брюсов старательно обходил вопрос о первой монаде...

Поэт не оставлял тему о сущности «Я» и живо откликался на литературные споры.

Он писал (февраль 1899 г.):

Занят работами к экзамену, настроение будничное, бесцветное. Мелькают перед взорами императоры, века, народы... Если б можно было замедлить, обдумать, но некогда, спешись. Печально, но эти месяцы будут просто потеряны. Вынес только одно сознание: если история — наука, то господствуют в ней не личности, и нельзя отвергнуть в ней необходимости. Без рока нет науки нигде. Не знаю я и иную правду, к которой пришел иным путем. Истинно и то и это. Истин много и часто они противоречат друг другу. Это надо принять и понять... Да я и всегда об этом думал. Ибо мне было смешным наше стремление к единству сил или начал или истины. *Моей мечтой всегда был пантеон, храм всех богов. Будем молиться и дню и ночи, и Митре и Адонису, Христу*

и Дьяволу. «Я» — это такое средоточие, где различия гаснут, все пределы примиряются. Первая (хотя и низшая) заповедь — любовь к себе и поклонение себе. Credo (курсив мой. — А. Ю.) [2, с. 398].

Вряд ли случайно Брюсов заинтересовался учением Лейбница о монадах, дававшим ему возможность обосновать Кредо — любовь к себе. Раз он, как монада, представляет собой Вселенную, то в ней нет, и не может быть, одной стороны без другой, добра без зла, правого без левого: Космос, по определению, содержит в себе разные, в том числе, и противоположные начала. Вот почему можно поклоняться дню и ночи, Митре и Адонису, Христу и дьяволу...

В переписке с Самыгиным он с самого ее начала отстаивал идею множественности истин — но не во временном смысле, а в субстанциональном. Если существовало бы только Единство, то, полагал он, «я» было бы богом «и не было бы вопроса».

В. Я. Брюсов писал в первом фрагменте черного письма (август 1897):

Мы не можем мыслить одно Единство, ибо тогда «я» было бы богом, и не было бы вопроса. Но мы не можем и не мыслить Единство, как это Вы сами понимаете. Явилась множественность («явилась», конечно, не в смысле начала, времени) и создала мир явлений. Индивидуальное «я» есть причина майи. Нет надобности искать, что такое тело, *надо искать, что такое я, как могут существовать два я* (курсив мой. — А. Ю.). Начала, дробления не было, уже потому, что время есть тоже майя. Безумно ждать, что некогда все вновь сольется в Единое. Противоположность Единого и Множественного первична, неустраима, сама по себе составляет сущность [2, с. 383].

И во втором фрагменте — о возможности познать истину в модусе «Я» (август 1897):

Я формулирую все то, что утверждал в нашем последнем споре (9 августа 1897 г. — А. Ю.), что яснее понял, вернувшись домой, в тиши книг и одиночества. Прежде чем начинать какое бы то ни было исследование, человек должен верить, что он может исследовать, что у него есть для этого средства, способность, орган. Или не должно рассуждать вовсе, или должно верить, что мы можем постичь истину. Частичной истины не может быть. Постигнув часть истины, мы постигаем все. Или человек может постичь сущность бытия или ничего <...> Я верю, что мир, как он есть, вне его отношений, — будет мне ясен, откроется мне, я его восприму в свою душу... Вы возразите, что все же это будет мир в его отношении ко мне. Нет, ибо я — необходимое звено мира; без меня он был бы неполон <...>. Все силы мира, все есть во мне. Говоря языком Спинозы — в каждом модусе есть все бесчисленные атрибуты субстанции. И во мне, ибо я модус. Познай самого себя, всего, и — ты познаешь все [2, с. 383].

Свои рассуждения о множественности истин Брюсов несколько позже предал гласности в альманахе «Северные цветы» на 1901 г. Он признал, что опирается на несколько аксиом. Первая — «свобода воли» в мышлении. Вторая — «возможность постичь сущность вещей мыслью», третья — «есть нечто, подлежащее мысли, что есть мир». Что же касается Единства или Единого, то Брюсов здесь окончательно определился в своих исканиях: «Единое начало есть небытие, единство истин есть бессмыслие». Еще более определенно — о философах, на труды которых он опирался, но не принимал их конечных положений: «Разве нам не дороги равно Спиноза и Лейбниц, Спенсер и Шопенгауэр, хотя конечных положений их философии мы не разделяем?»

Что же есть истина? Мысль... Не вообще, а всегда индивидуальная, уникальная: «Мысль — вечный Агасфер, ей нельзя остановиться, на пути не может быть цель, ибо эта цель — самый путь».

После нескольких малозначащих писем друг другу, весной 1899 г., Самыгин написал Брюсову письмо, в котором честно признался, что их жизненные и философские пути разошлись. Да и сходились ли? Вот вопрос, который мучил Самыгина, взявшегося перечитать все полученные им письма Брюсова...

Из письма от 21 апреля 1899 г.:

Дорогой друг Валерий Яковлевич!

Я долго думал о наших отношениях и сейчас только понял, насколько мы с Вами разошлись в последнее время во взглядах на вещи первостепенной важности. Да и сходились ли мы вообще когда-нибудь? Задумываться я стал об этом потому, что получил привычку перечитывать все, что Вы за последнее время напечатали. *Знаете ли, какие мы теперь с Вами полюсы* (курсив мой. — А. Ю.)? Прежде я плохо понимал Ваш стих:

«!Только грядущее — область поэта».

Теперь я знаю (здесь и далее подчеркнуто автором. — А. Ю.), что Вы хотели этим сказать! Кто верит в сверхчеловеческое, возможное для человека, тот обязан жить только в будущем. А я верю в данную, ниспосланную, откровенную истину (благодать Божия!). Святые с первых времен христианства и глубже не были хуже современных нам святых и будущих. Благодать Божия ниспадает, как молния. Поэтому слова, написанные Вами мне на первом издании: «Chefs d'oeuvre»: «Будите оубо Вы совершении, якоже Отец ваш небесный совершен есть», — не могут служить удачно формулою философии прогресса: они говорят о том, чем мы будем, если захотим и сподобимся, а не об идеале — силе, влекущей к себе мировой прогресс. Словом, православное христианство не есть то христианство, о котором говорил Гегель. Христианство не есть пантеистическая революция. А Вы — пантеист! Вы смеетесь? Погодите: я докажу Вам это как-нибудь! Помните, что учение о монадах — совсем незаконченное и зиждется на ряде самых плоских философских недоразумений: не даром понадобилась «предустановленная гармония». Изучайте теорию познания Лейбница: «hier ist der hund begraben!» И много, много вычитал я из Ваших книжек! Нам нужно будет как-нибудь долго и много поговорить. Только — без ожесточения (я этого так боюсь!), мирно, как друзья.

(НИОР РГБ. Ф. 386. Картон 102.7. Л. 41–42.)

М. В. Самыгин уловил основное противоречие в философии своего друга; принимая теорию о монадах, Брюсов обязан был согласиться и с «предустановленной гармонией» Лейбница, которая исходила из того, что Божьим усмотрением в Природе существует гармония. Потому-то он написал с ехидством, что Брюсов на самом деле — «пантеист», если основывается на теории познания Лейбница...

В сравнении с письмом от 21 апреля 1899 г. последующие письма (до конца 1899 г.) были более спокойные, хотя и грустные.

21 августа 1899 г.: «...от живого мира литературы, от газет отрезан, и не знаю даже, появилось ли хотя что-нибудь о моей книжице...» (НИОР РГБ. Ф. 386. Картон 102.7. Л. 46 – 46 об.).

17 октября 1899 г.: «...и на сердце у меня тихое умиление, — и все горячее, знойное, великолепное кажется мне пустым, скучным и ничтожным...» (НИОР РГБ. Ф. 386. Картон 102.7. Л. 48).

6 декабря 1899 г.: «Беседовать с Вами — это значит смотреть в свою и Вашу душу, а я с недавних пор боюсь этого. Существование мое бедно и жалко. Об этом писать не хотелось. Впрочем, Вашей “смелости” не завидую, хотя и люблю Вас по-прежнему за то, что Вы понимаете меня, которого почти никто больше не знает...» (НИОР РГБ. Ф. 386. Картон 102.7. Л. 50).

И только в начале следующего года, 16 января 1900 г., он написал более откровенное письмо Брюсову:

Друг мой!

Сейчас могу беседовать с Вами, хотя разбит душевно и утомлен. Мне вдруг захотелось сказать Вам и не только Вам, но и всем, идущим с Вами, мою правду (подчеркнуто здесь и далее автором. — *А. Ю.*): сладки Ваши слова и исполнены дерзости, но в них нету ничего, кроме призыва. Вы все зовете (и я звал), но когда пойдешь за Вами, то ничего не найдешь. «Мечтатели, сивиллы и пророки» — Вы все дерзкие самообманщики, которые дорого заплатят за свое самообольщение. На этой земле шутить нельзя. Не следует звать куда-то вождя, когда сам не чувствуешь душевной полноты и озарения. Если бы было в вас (всех) озарение, вы имели бы власть не только призывать, но и сообщать силу. Не исходит сила от Вас, но одно бессилие. Вы веруете горячо (не спорю), но вы отброшены куда-то далеко, с поломанными крыльями, измятые грозою птицы. А между тем жизнь уплывает из-под ног <...> Прощайте. Знаю, что Вы оцените мою искренность, Вы, с чьей страстною душою роковым образом сковалась моя душа, вы, с которым я или должен идти до конца, или которого я должен осудить внутренним судом и отринуть <...>. Но думаю, что и я в вашей жизни значу то же: иначе Вы не интересовались бы моей душевной драмой, после того как я «умалился». Где же логика после того? Вот что я думаю и переживаю в Иванове.

Любящий Вас Мих. Самыгин.

(НИОР РГБ. Ф. 386. Картон 102. 8. Л. 1–2.)

Не сразу Брюсов решился говорить откровенно — только после нескольких писем о «разных разностях» поэт, наконец, нашел в себе силы и написал Самыгину ответное (по существу их мировоззренческого столкновения) письмо — в середине января 1900 г.:

Друг мой! Я давно хотел писать Вам, сознавая, что писать должно, но почему-то не писалось. Вы не примите этого в пошлом смысле — лени, небрежности. Нет! «не писалось» по каким-то внутренним причинам. Нет сомнения — мы разошлись за последние годы, с тех пор как Вы — по Вашему выражению — «умалились». Дурно было бы в том не признаться и лицемерствовать, как лицемерствуем мы теперь в письмах с Бальмонтом, беседуя, словно мы еще прежние друзья, словно по-прежнему близки. Так и мы с Вами идем по путям расходящимся. Пока еще можем окликнуть один другого, но потом и голос не будет слышен. Это не пустая примета, что Ив. Коневский, 4-й соучастник нашего сборника, кажется мне великим поэтом, а Вам пустым повторителем чужих слов; или еще того более, что мои стихи кажутся Вам ненужными и обманувшимися. Я даже уж не знаю, чего Вы ищите. Вы отреклись от победы, но не хотите и поражения, не возлюбили и страданий. Я не знаю третьего пути. Или Сатана или Христос. Сладко быть и тем и другим, но нельзя не быть ни тем ни другим. Ваша книга еще во многом прошлое. Что в ней самого нового — то и самое неустойчивое. Кто Вы? Я Вас не знаю! Как нам говорить? Как [пассажирам] путникам в вагоне — наудачу? [Не для болтовни же?] Вы пишете, что разбиты. Чем? Не жизнью же, — это было бы слишком позорно! Какими же раздумьями? Какими отчаяниями и проклятиями? Отчего — опять возвращаюсь — эти порывы Ваши так бледно отразились в Вашей книге? Пишите мне. Пишите много и часто. Зачем Вы ждете моих писем? [2, с. 401].

М. В. Самыгин ответил письмом от 2 февраля 1900 г. В самом начале письма — острая и небезобидная для Брюсова критика поэзии Ивана Коневского, после чего — вновь полемика о главном:

... вот и Вы: поклоняетесь и Сатане и Христу, заведомо зная, что они от века противоположны. Что это? Мудрость или беспечность? И призываете других к такому же поклонению, но тайну этого поклонения ото всех скрываете. Или быть может следует отчаяться в слове и заявить миру об этом поклонении чем-нибудь другим? <...> Вы были всегда свободным любителем правды, этим Вы изумили меня среди прочих людей, боящихся ее. Так скажите же мне — во имя этой правды (подчеркнуто автором. — *А. Ю.*), той правды, оскорбить которую ложной клятвой — значит осквернить бытие, неужели Вы твердо верите в Вашу дорогу? Пусть я разбит и слаб, «умалился», я знаю себе цену, не иду в пророки, и, стоя в толпе «нищих» и «алчущих», — протягиваю к Вам свою руку: не подайте же мне камня!

(НИОР РГБ. Ф. 386. картон 102. 8. Л. 5–7.)

Впрочем, в следующем письме, от 24 февраля 1900 г., Самыгин старался уже смягчить тон, и даже просил Брюсова забыть письмо от 2 февраля:

Дорогой друг!

Вы один только из всех когда-либо знавших меня не забываете меня в моем уединении Вашими письмами. Спасибо Вам: это доказательство Вашей душевной доброты <...> зачем Вам ко мне писать? Я Вам скажу все-таки: зачем? Затем, что я никогда не потеряю вкуса к поэзии и мысли, что я всегда пойму Ваши страдания, восторги и раздумья, хотя и не всегда их одобряю. Знаете, я не терплю сектантства, и не люблю за то, что там ложь и надрыв, усилие верить в то, во что не верится. Зачем непременно и нам усиливаться, чтоб слышать и разуметь друг друга. Мы с Вами два цветка, которые грезят разное; наши лепестки и тычинки созревают; и запах и плод наш разные. Это не мешает нам ценить друг в друге нашу природу <...> Идите своим путем и не отвечайте мне на письмо от 2-го числа. Будущее покажет все, что следует показать. Живу я теперь, как видите, в страшном уединении и благословляю его. Молюсь, занимаюсь поэзией и иногда мой дух бывает успокоен...

(НИОР РГБ. Ф. 386. картон 102. 8. Л. 3 – 4 об.)

На оба письма Самыгина от 2 и 24 февраля 1900 г. Брюсов ответил примирительным письмом (написанным около 11 марта 1900 г.): поэт уловил то, что сохранить дружелюбие еще можно, но только переключаясь на другие темы: «Друг мой! я благодарю Вас за Ваше письмо — и будет об этом. Зима подходит к концу...».

Призыв Брюсова («будет об этом...») Самыгин воспринял: он тоже осознал, что мировоззренческие позиции уже выяснены; и нужно ли повторяться? Самыгин переключился на литературный процесс. У него накапливался опыт литератора (по его словам — это «техника прозы»), и этот опыт нуждался в обсуждении, равно как и литературные достижения Брюсова.

Из письма Самыгина (июнь 1900 г.):

...я погружен в мир вымыслов. Сначала меня это мучило, теперь я с наслаждением предаюсь своей работе. Боюсь, что не утешу Вас ее плодами, ибо я сделался последователем Зудермана и Гауптмана. Говорят, что они ультранатуралисты, а я этого не думаю: у жизни, у природы, нет колорита; она безколоритна, ибо бесконечно — тонка: жизнь бела и прозрачна, как свет, солнечный свет, оттого она груба <...> Пример: я много раз видывал море на картинах, даже (подчеркнуто автором. — А. Ю.) у Айвазовского, глубокого знатока и живописателя моря, но я был страшно поражен, увидев, что настоящее море <...> совершенно обыкновенное и заурядное, и любить его надо иначе, чем любишь его на картине: тебя убивает морской воздух, ты вязнешь в прибрежном песке, чувствуя свой организм, все его отправления в стихийной власти <...> тут природа подавляющая, и любовь к ней есть та же привычка, голос тела. Потом я уже иначе смотрел на морские пейзажи. Так, вот в Зудермане и Гауптмане мне нравится та же ласкающая, субъективная колоритность, благодаря которой их произведения являются то лиловыми, то фиолетовыми, то пепельно-грустными, но никогда светлыми, блестящими, белыми...

(НИОР РГБ. Ф. 386. картон 102. 8. Л. 15–16.)

Из письма от 4 июля 1900 г.:

Дорогой Валерий Яковлевич!

Я все пишу и пишу. Встречаются трудности: приходится думать над теорией техники всех видов прозы. К сожалению, законченного будет мало, но сделано много существенного и такого, что, на мой взгляд, имеет безусловную ценность. Духом я тверже, чем когда-нибудь. Я начинаю полегонечку как бы признавать свое право на существование. Прежде я жил как бы контрабандой. Теперь тончайшие нити начинают меня связывать с жизнью. Я становлюсь благодушным и вместе зрение мое делается острее, но насколько прежде оно изнурилось в мировых безднах, настолько

теперь шарит в травинках и норках. Все раздражаюсь против Канта за его бесстыжий поступок с Лейбницем. (Читаю последнего [изд. Псих. общ.] и ужасаюсь. Дикий грабеж). В общем весь этот переворот с воровским критическим принципом во главе и с глуповатою «вещью в себе» на заднем фоне довольно смешной водевиль с переодеванием. Господи! Если вернуть философию, то нужно возвратиться к <...> триумvirату: Декарт — Спиноза — Лейбниц! Все это хотелось бы изложить.

(НИОР РГБ. Ф. 386. картон 102. 8. Л. 17 – 17 об.)

В. Я. Брюсов ответил на оба письма (июль 1900 г.):

Простите, друг мой, что не писал Вам так давно. Отсюда приходилось писать так много писем, что у меня выработался особый эпистолярный стиль и писал я всем одно и то же или почти. Вам — мне этого не хотелось. Неужели условно-красивыми фразами описывать море и старый Ревель с готическими соборами, «пришедшими из Средних веков», и размышлять о власти Прощедшего над нашей душой. Я хочу говорить о себе и о Вас. Меня смутило, что Вы в первом письме ставили как образцы Зудермана и Гауптмана. Что такое Зудерман? Что такое «бой бабочек»? Это — литературное ничто, призраки, миражи. Гауптман уже нечто, словно что-то действительное. Но знаете ли? — я сознаюсь Вам, о чем другим не хочу говорить: Гауптман не истинный поэт. Он все же подделка, как Ростан, или наш Льдов. Искусный бриллиант из стекла. Мне это сказать тем тягостнее, что в Гауптмане так много (будто бы) мне дорогого, заветного <...> Чувствую и сознаю свои силы. Ныне я не могу написать ничтожной вещи. Все равно — будь то статья, драма или поэма. Я буду в них полновластным творцом и буду говорить как учитель. Я мог бы наполнить сотни томов, если б хотел сказать все. Мне теперь дела нет до формы, — до формы в самом широком смысле. Теперь я воистину достиг того, о чем твердил с детства. Мне — до глубины души искренно — не нужны никакие приветствия, не нужны читатели. Мне все равно. Понимаете Вы всю свободу, даруемую этим сознанием. Нетрудно быть выше насмешек, но надо стать выше всех восторгов и выше всех убеждений — своих и чужих. Только так можно быть творцом. Я нашел свою высоту [2, с. 404–405].

По письму Самыгина от 27 октября 1900 г. видно, как изменяется его оптика, он «шарит» теперь не по безднам мироздания, а по углам обыденной жизни, которая стремительно им овладевает:

Дорогой друг!

Что Вы скажете о присланной безделице? Боюсь, что Вы заподозрите меня в социализме, между тем как все дело в столь *ненавистной для меня* (курсив здесь и далее мой. — А. Ю.) «культуре умного человека». «Умный» — «только умный» — человек узок и гадок; он впадает всегда и неизбежно в материализм.

(НИОР РГБ. Ф. 386. Картон 102.8. Л. 21.)

Прежние споры, до того тлевшие в глубинах их переписки почти год, вновь разгорелись в 1901 г., когда Брюсов стал проявлять критическое отношение к некоторым произведениям Самыгина, хотя в целом их скорее одобрял, нежели ругал.

Из письма Самыгина от 27 января 1901 г.:

Спасибо за присланные Вами рассказы, хотя чтение их скорее опечалило, чем порадовало меня. Я понял, зачем Вы их прислали мне. Но, видите ли, в чем дело: то, что я исповедую, не есть ни безумие, ни фикция измученной души, ни младенчество. Это есть как бы равенство единицы и миллиарда перед всепоглощающей Вечностью и даже в некотором роде превосходство единицы. Вы не изверились во всемогуществе университетской науки, а я еще в эпоху ребяческих рассказов «В тумане» испытал сильное колебание. Вы печалились одно время о моем «умалении», а я чувствовал, что Вы во власти бесплодных идей. Теперь, по-видимому, Вы на грани двух миров, но находитесь в положении человека, отрицающего и тот и другой. Не хочу Вас соблазнять, но мне

кажется, что подобное колебание несть благо. Нечто подобное я испытываю, когда вижу Васнецовскую живопись. Это, извините за выражение, кокетство с религией, этот крестик в виде брелка на цепочке.

(НИОР РГБ. Ф. 386. Картон 102.8. Л. 25 – 25 об.)

Из письма Самыгина от 16 июня 1901 г.:

Сейчас лежал и читал «Tertia vigilia», и мне захотелось, хотя я с трудом держу в руках перо, побеседовать с Вами, мой далекий друг. Я живу, вернее — влачу жалкое, болезненное существование, на даче под Ив.-Вознесенском. Я по-прежнему совершенно один, без друзей и без книг, без первых потому, что я им не интересен, без вторых, потому что они мне не интересны. Болезнь вырвала из моих рук перо, а нежная забота жены и приговор доктора опечатали мое вдохновение. Не знаю, что за причина, но вот уже неделя, как меня совершенно покинули силы и случилось это внезапно. Лежу, яко расслабленный у Силоамской купели. Причина — нервная слабость. Не знаю, как буду жить дальше. Жизнь для меня слишком ярка и пряна. Во всяком случае, я погибну от моей неприспособленности. Но это не ропот на Провидение: все хорошо — и сила, и слабость, — в этом пункте я согласен с Вами: все различия примиряются в вечном гармоническом синтезе. Этот постулат Вы предугадали, но он предвещается в Вашей поэзии лишь формально. Стихом и расположением и выбором пьес Вы как бы хотите сказать: в различии — полнота, высшая гармония и право. Теперь надо углубить поэзию до внутреннего живописания тайных процессов, соединяющих несоединимое. Соединяйте верх и низ, добро и зло, грех и святость и покажите тайники этого соединения. Вы в мире гипотезы, а я выше Вас: меня привлекло на этот путь всепрощение. Я знаю путь: он — любовь, сочувствие, но это слово звучит слишком мало. Если я буду жив и опять принадлежать поэзии, я буду продолжать работу именно в этом направлении...

(НИОР РГБ. Ф. 386. Картон 102.8. Л. 25 – 25 об.)

Самыгин не забывал свою попытку суицида и постоянно писал Брюсову о последствиях тяжкого для него события жизни: «Я хорошо помню, — писал он 27 июня 1901 г., — этот момент на каменном моле! В первый раз я узнал тогда, что безумцы не читают языка Неведомого. Как хорошо Вы прежде писали “Есть для избранных годы молчания”... Или “Есть великое счастье: познав, утаить, одному любоваться на грезы свои...”».

Что же делать одинокому?

...ваша душа ищет одиночества: зачем же насильствовать ее? О, как я хотел бы для Вас изгнания из столицы, невольного, принудительного. В роде постигшего Пушкина, Лермонтова, Достоевского. Мне издали видна на Вас печать современных оргиастров, а это нехорошо. Вы такой всегда самобытный; делаетесь похожим (подчеркнуто автором. — А. Ю.). И как жаль, что это после знаменательного Вашего:

«Так, полдень мой настал».

Предоставьте мертвым погребать мертвецов. Вы говорите о «терной дороге», о власти желудка. Если это «всамделишная» измена Духу, зовущему нас (и меня, и Вас) — не предавайте себя: это хуже (здесь и далее подчеркнуто автором. — А. Ю.) всякого озера и обрыва. Если же это — освобождение от пут оргиазма, благословляю Вас. А самое бы Вам лучшее — действительно одиночество и свобода. Но тут постели и тарелки, поверьте, ни при чем. Мне даже немножко досадно, что Вы суете в первую голову Добролюбова, а забываете Вашего наипокорнейшего слугу: ведь я уже давным-давно живу без людей. Что тарелки? Господи! Разве они мешают мне быть где-то очень далеко от них? Ров и лежание в нем — нечто случайное, к сущности одиночества не относящегося. Бегите от сумасшедших: Вы их пока лечить не можете; оставьте бесноватых, чтобы в Вас не вселился их бес: это было бы недостойно Вас. Оставьте все и поживите год, два одиноко и в провинции, за каким-нибудь делом. Мне было так грустно читать Ваше письмо, как будто бы я читал надпись на Вашем надгробном камне, да и написали-то Вы его какими-то этакими огромными и четкими буквами. Вспомнилась мне и Иоганна Матвеевна. Как-то она? Ведь все это даже

издали так грустно переживать. Зову вас за собой, усиленно зову и верю: если не прервалась еще связь, соединяющая наши души, Вы услышите меня.

(НИОР РГБ. Ф. 386. Картон 102.8. Л. 39 – 40 об.)

Из письма Самыгина от 18 октября 1901 г.:

Посылаю Вам рукопись для «Северных цветов». Вы просили нечто с «новым» направлением: я не знаю, как Вы взглянете на мое сочинение — возможно, что Вы не уловите в нем того «нового», о котором говорите. Но послушайте следующее: если Вы разумеете под «новым» настроение, созданное каким-либо человеческим духом и требуется, чтобы я подчинился ему, пристал к нему, то я этого не могу, да и вряд ли это можно назвать истинно новым (подчеркнуто автором. — А. Ю.). Я не хочу повторять никого ни в форме, ни в содержании. За формой я даже не гонюсь вовсе, настолько не гонюсь, что даже не хочу усиливаться быть оригинальным. Мной владеет мысль, слитая где-то внутри с темным чувством. Я хочу выразить лишь мое настроение. Мне кажется, что тот был бы прав, кто охарактеризовал бы мой пафос словом «религиозный». Я — весь в вопросах религии. Глубина, основа чувства общения с Богом — вот все мои помыслы и интересы. Союз Бога с человеком в настоящем в истории — это меня волнует, это мучит. «Ново» это или нет? Я не задаюсь этим вопросом. К чему суживать истину, подчиняя ее рамке? Мне был понятнее девиз первой книжки «Северных цветов». Но, разумеется, это мой взгляд, с которым может не согласится редакция...

(НИОР РГБ. Ф. 386. Картон 102.8. Л. 47–48.)

Религиозное настроение Самыгина захватывало не только его отношение к литературе, но и к повседневной жизни: ему, уже привыкшему к провинции, трудно было воспринимать московскую суету, — в ней он видел антипод аскетического идеала жизни. Но настроение и мировоззрение Самыгина будут со временем меняться, и индикатором глубинных перемен станет отношение к Москве: с 1903 г. Самыгин будет уже стремиться попасть в столицу, осознавая себя подающим большие надежды литератором.

Из письма от 23 декабря 1901 г.:

...поразили меня в Вашей сокрушительной статье: «Старое о г. Щеглове», ее последние строки. Не помню точно их выражение: что-то о «вечных сокровищах веры». Неожиданным теплом повеяло на меня от них. Если это не дань условностям века сего, то я могу констатировать в Вашей душе зарождение новой эпохи. Как бы мне хотелось, чтоб я не ошибся. Последнее мое посещение Москвы оставило во мне чувство крайне тяжелое. Эти высокие дома. «Капернауме, Капернауме, до неба вознесшийся, до ада низринешься!» — все время звучало в моей душе. Не увидел я ничего прочного в Вашей московской жизни, а душа моя ищет теперь только прочного...

(НИОР РГБ. Ф. 386. Картон 102.8. Л. 56.)

С 1902 г. переписка друзей стала более формальной: в ней находила себе место обычная (и во многом рутинная) информация, в которой отражалась их обеспокоенность своими трудами, рецензиями, похвалами, критикой и т. д. (НИОР РГБ. Ф. 386. картон 102. 9. Л. 1–20: письма от 13 января, 3 февраля, 7 февраля, 3 марта, 26 марта, 18 апреля, 1 мая, 28 мая, 10 сентября, 7 октября).

Этот самый ранний спор о философских проблемах художественной литературы уступал место развернутым манифестам зрелого модернизма в журналах «Новый Путь» (1902–1904) и «Вопросы Жизни» (1905). Неизменной оставалась сосредоточенность деятелей модернизма на феномене личного Я в художественном творчестве и — шире — в самом человеческом бытии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Кульюс С.* Формирование эстетических взглядов В. Брюсова и философия Лейбница // Типология литературных взаимодействий. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Ученые записки Тартусского государственного университета. Тарту: Изд-во ТГУ, 1983. Вып. 620. С. 50–63.
- 2 *Трифопова Н. А.* Письма к М. В. Самыгину (1897–1903) // Литературное наследство / отв. ред. Н. А. Трифонова. М.: Наука, 1991. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 1. 831 с.

***

© 2019. **Andrey L. Yurganov**
Moscow, Russia

ON THE PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF FICTION IN EARLY MODERNISM (FROM VALERY BRYUSOV'S CORRESPONDENCE WITH MIKHAIL SAMYGIN)

Abstract: The correspondence between two major figures of Russian modernism, poet Valery Bryusov and Mikhail Samygin (writer Mark Krinitsky) began in 1895. Both of them were engaged in philosophy, prone to discussing philosophical aspects of the artistic creativity. This correspondence from the late 19th century was the earliest discussion of the philosophical problems of modernist fiction. It expressed the main direction of the search — the rationale for creativity not as the comprehension of a new knowledge, but as an in-depth study of the outer world of personality, creating a world in and around itself. Whereas Valery Bryusov remained a microcosmist for a long time, Mikhail Samygin after the dispute under study was carried away by the revision of his and others' stereotypes concerning the theory of literature. Each of them went his own way, yet together they postulated essentially the same thing — phenomenological significance of the individual as a constitutive basis of existence.

Keywords: Valery Bryusov, Mark Krinitsky, Modernism, Leibnitz monology, phenomenology, Silver Age.

Information about the author: Andrey L. Yurganov — DSc in History, Professor, Russian State University for the Humanities, Miuskaya Sq., 6, 125993 Moscow, Russia. E-mail: iurganov@yandex.ru

Received: September 06, 2018

Date of publication: June 28, 2019

For citation: Yurganov A. L. On the philosophical foundations of fiction in Early modernism (from Valery Bryusov's correspondence with Mikhail Samygin). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2019, vol. 52, pp. 8–19. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Kul'ius S. Formirovanie esteticheskikh vzgliadov V. Briusova i filosofii Leibnitsa [Formation of V. Bryusov's aesthetic views and philosophy of Leibniz]. *Tipologiya literaturnykh vzaimodeistvii. Trudy po russkoi i slavianskoi filologii. Literaturovedenie. Uchenye zapiski Tartusskogo gosudarstvennogo universiteta* [Typology of literary

- interactions. Works on Russian and Slavic Philology. Literary study. Bulletin of Tartu state University]. Tartu, Izdatel'stvo TGU Publ., 1983, vol. 620, pp. 50–63. (In Russian)
- 2 Trifonova N. A. Pis'ma k M. V. Samyginu (1897–1903) [Letters to M. V. Samygin (1897–1903)]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage], executive edited by N. A. Trifonova. Moscow, Nauka Publ., 1991. Vol. 98: Valerii Briusov i ego korrespondenty [Valery Bryusov and his correspondents]. Book 1. 831 p. (In Russian)